

В. Э. ВАСИЛЕВСКАЯ

ОСМЫСЛЕНИЕ ФЕНОМЕНА КУЛЬТУРНОЙ ДИПЛОМАТИИ В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИКИ «МЯГКОЙ СИЛЫ»

В статье рассматриваются место и роль «культурной дипломатии» в системе международных отношений. Раскрывается историческая ретроспектива становления данного направления дипломатии. Внимание концентрируется на осмыслении феномена «культурная дипломатия» через призму политики «мягкой силы». Объясняется соотношение культурной и публичной дипломатии как форм реализации политики «мягкой силы». Приводятся примеры научного осмысления политического термина «мягкая сила», а именно: концепции интегральных шкал, объясняющей разность применения жесткого и мягкого полюса действия силы в международных отношениях, концепции множественных шкал, объясняющей необходимость использования так называемых интегральных инструментов, определяющих систему координат анализа политики «мягкой силы». В контексте осмысления данного направления политики рассматриваются конструктивно-критические и деструктивные дискуссии его теоретической интерпретации.

Ключевые слова: концепция интегральных шкал; концепция множественных шкал; культурная дипломатия; политика «мягкой силы»; публичная дипломатия.

УДК 32.327.3

Введение. В XX в. теория международных отношений набирает силу и становится одной из самых значимых социальных дисциплин, что в том числе обусловлено хаотизацией и неопределенностью действительности: мировой финансовый кризис, стремительный рост новых государств под влиянием деколонизации, перемещение научно-политического центра из Европы в США, переживание двух мировых войн и наконец распад СССР. Центром проблем мировой политики признается приоритет гармонизации международных отношений путем сближения культур. Именно в данный период начинает зарождаться современная культурная дипломатия как инструмент обеспечения внешнеполитических интересов и сохранения национальной идентичности. Тер-

Валерия Эдуардовна ВАСИЛЕВСКАЯ (vasilevskaya.v.e@mail.ru), аспирантка кафедры международных отношений Белорусского государственного университета (г. Минск, Беларусь).

мин «культурная дипломатия» полисемичен, что объясняется широким спектром существующих интерпретаций концепта «культура». К примеру, чешский дипломат В. Хубингер под культурной дипломатией понимает «инструмент политики по продвижению позитивного имиджа государства на мировой арене посредством обмена культурными ценностями». Британские исследователи Г. Р. Берридж и А. Джеймс определяют данный термин в качестве «пропаганды культурных достижений за рубежом» [1, с. 311]. Как «манипуляцию ресурсами культуры в пропагандистских целях», культурную дипломатию объясняет американский политолог Ф. Баргхорн [2, с. 13]. В общем плане можно отметить, что многообразие определений термина «культурная дипломатия» отражает стремления ученых обозначить тот или иной его аспект в зависимости от реальных практических потребностей. Более того, определение термина может меняться и по отношению страны происхождения.

В настоящей работе будут рассмотрены сущность, критерии и способы оценки эффективности культурной дипломатии в контексте политики «мягкой силы». Анализ особенностей применения инструментов культурной дипломатии с проекции страны происхождения будет представлен опытом Китая.

Основная часть. Начало истории культурной дипломатии в международных отношениях связывают с созданием в 1922 г. по инициативе Леона Буржуа консультативной организации Лиги Наций — Международный комитет по интеллектуальному сотрудничеству. Сначала Лига Наций ограничивала финансирование данного комитета, ввиду убеждения, что культура и образование являются сугубо внутренними элементами государств. Однако уже в 1926 г. поддержку комитету оказала Франция, учредив в Париже Международный институт интеллектуального сотрудничества, концентрировавшегося на вопросах международного сотрудничества в библиотечной, музейной областях.

Важным событием в истории становления культурного сотрудничества является утверждение в 1954 г. Европейской культурной конвенции, призывающей принимать надлежащие меры для защиты и поощрения национального вклада в общее культурное наследие Европы. Дальнейшее развитие культурного обмена требовало теоретического обоснования; первостепенными проблемами научных исследований данного периода выступали следующие:

- выявление степени влияния культуры на взаимоотношения государств;
- определение сфер международного сотрудничества, на которые культурный обмен способен повлиять;
- разработка видов культурного сотрудничества;
- роль и перспективы развития структурных подразделений в сфере культуры;
- определение необходимых политических и научно-технических условий для развития культурного сотрудничества;
- оценка эффективности кросс-культурного анализа в процессе международного культурного сотрудничества [2, с. 9].

После Второй мировой войны роль культурной дипломатии стала наиболее очевидна, поскольку отсутствие экономических ресурсов инициировало поиск новых инструментов выстраивания позитивного образа того или иного государства на международной арене. Одним из таких инструментов и является культура. Здесь важно отметить, что создание позитивного имиджа является не только главной целью культурной дипломатии, но и выраженной отличительной чертой, к примеру, от международного гуманитарного сотрудничества (МГС). Как и культурная дипломатия, МГС содержательно наполнено областью науки, спорта, образования, туризма, что определяет их единую внешнеполитическую стратегию. Однако вместе с тем МГС представляет собой более широкую по видам направления деятельность, целью которой является удовлетворение человеческих потребностей, в то время как целью культурной

дипломатии является работа над имиджем государства. Так, «если за основу взять программу международных студенческих обменов, то в качестве реализации МГС выступит непосредственно практика студентов, направленная на повышение их квалификации, а в качестве реализации культурной дипломатии — деятельность государства по приему и обучению иностранных студентов, что в конечном счете окажет влияние на формирование имиджа, в том числе посредством пропаганды в средствах массовой информации» [2, с. 15].

Ориентация на выстраивание грамотной системы культурного сотрудничества позволяет не только повысить имидж государства, но и нормализовать политические отношения, «оживить» национальную экономику. В этом случае целевой группой становятся не дипломаты, а общественность, что в политическом дискурсе называется «публичная дипломатия». В общем плане *public diplomacy* (публичную дипломатию) можно определить как политику воздействия одного государства на общества другого. Данное воздействие может реализовываться посредством официальных каналов — обращение официальных государственных лиц в средствах массовой информации — и неофициальных каналов — университеты, общественные организации, образовательные программы.

Стоит отметить, что первоначально публичная дипломатия возникла на территории США для формирования позитивного образа. Позже данный инструмент стали использовать и другие государства. Тогда США пришли к выводу, что необходимо разработать новые методы реализации публичной дипломатии. Так, если поначалу публичное воздействие предполагало выстраивание диалога с обществами иных стран, то современный механизм обращает внимания субъекта воздействия на то, что противоположная сторона, т. е. объект, становится активным и по-своему интерпретирует степень и значимость этого воздействия. Таким образом, на сегодняшний день образовались три модели публичной дипломатии:

модель холодной войны, ориентирована на долгосрочное противостояние;

модель транснациональная, выражена в первую очередь в деятельности негосударственных организаций, транслирующих свои идеи через телекоммуникационные сети, не затрагивающие национальные границы;

PR-модель, предусматривает «опосредственное» воздействие государства на общество иного государства путем привлечения иностранных лоббистов для пропаганды своих идей [3, с. 24].

В теории публичной дипломатии выделяют условия, определяющие эффективность ее реализации. Согласно немецкому исследователю Т. Рисе таким условием является наличие единых институтов и норм, неиерархическая структура взаимодействия акторов, неопределенность в интерпретации текущей ситуации и существование информационного пространства. Немецкий философ Ю. Хабермас необходимым условием считает наличие «единого мира» (*gemeinsame Lebenswelt*) в форме общей культуры. Отсюда непосредственная взаимосвязь культурной и публичной дипломатии, что в некоторых источниках и вовсе отождествляется. В целом, в политической практике данные термины являются формами реализации политики «мягкой силы».

Отцом-основателем теоретического фундамента «мягкой силы» называют американского политолога Джозефа Ная, который в начале 90-х гг. XX в. ввел в научный обиход термин *soft power* («мягкая сила») как одно из направлений внешней политики и произвел колоссальный успех. Популярность терминологической инновации обусловлена следующими факторами:

во-первых, базисом *soft power* является *притягательная сила*, плавно перетекающая в устойчивую власть посредством притягательной природы,

присущей человеку. Притягательность эта может выражаться в личностном обаянии, физиологической зависимости или, например, в убедительной идее. Так или иначе «мягкая сила» — это прежде всего получение желаемого за счет притягательности, а не силы и материального достатка [4, с. 20]. В одной из публикаций Най заявил, что в реальности существуют три силы воздействия: «принуждение (палка), плата (морковка) и притягательность (мягкая сила)»;

во-вторых, до настоящего времени отсутствует общепринятое определение *soft power*, который Най, будучи специалистом в области международных отношений, применил именно к ним, поэтому дискуссии вокруг данного термина до сих пор актуальны [5, с. 10].

В частности, выделяют дискуссии конструктивно-критические и деструктивные. Первые связаны с трудностями перевода термина в отечественном пространстве и с соответствующим употреблением. Дело в том, что два слова, используемые в термине, при переводе на русский язык имеют несколько значений. Помимо «мягкой силы» зачастую в изданиях можно встретить и понятие «мягкое влияние», «несиловая мощь» или «гибкая власть», отсюда искажение истинной интерпретации. Более того, теория международных отношений не предусматривает разделение «силы» на мягкую или жесткую, скорее в данном контексте сила синонимична физической величине. Согласно концепции интегральной шкалы сила может применяться в жестком и мягком полюсах (см. ниже).

Сравнительная характеристика жесткого и мягкого полюсов действия силы в международных отношениях

Жесткий полюс

Мягкий полюс

Военная и экономическая сила	Культурная сила
Принуждение	Притягательность
Влияние посредством побуждения	Влияние посредством привлечения
Предсказуем и измерим	Непредсказуем и неизмерим
Конкретный источник	Многообразие источников
Контролируем властью	Не поддается контролю
Реакция — толчок	Реакция — ответ
Кратковременное воздействие с незамедлительным эффектом	Долговременное воздействие с поступательным эффектом

Стоит отметить, что данная концепция имеет некоторое несоответствие, поскольку жесткий и мягкий полюса могут действовать сообща, к примеру, военная сила не представляется возможной без применения мягкой силы для урегулирования конфликта или же экономическая сила может быть наделена как жесткими, так и мягкими санкциями. В этом плане более устойчива концепция множественных шкал, разработанная американскими исследователями М. Куналакисом и А. Шимони, предусматривающая использование так называемой *smart power* (умной силы). Согласно концепции интегральная шкала (инструменты) также продолжает действовать, но только под контролем шкалы способов применения, которая задает систему координат для тех самых инструментов. Такая модель позволяет более детально производить анализ *soft power*.

Рассматривая сущность деструктивных дискуссий, важно отметить, что их сторонники и вовсе отрицают идею *soft power* по нескольким причинам:

«несостоятельность» применяемого термина в связи с единственным «верным» соотношением силы и войны, и не признаваемой эффективности «мягкой силы» в международных отношениях;

«мягкая сила» воспринимается как манипулирующий ресурс, отсюда ее безграничные скрытые возможности, существенно превосходящие возможности «жесткой силы»;

религиозно-этические соображения, т. е. сторонники данной концепции убеждены в притягательной (соблазн, искушение) особенности инструмента «мягкой силы», заведомо не соответствующей религиозным нормам;

«свободный» характер «мягкой силы», выраженный в праве индивида выбирать самостоятельно, а неконтролируемая свобода принятия решений зачастую разрушает систему международных отношений [4, с. 33].

Как уже отмечалось, культурная дипломатия также является своего рода средством манипуляции, т. е. несиловым инструментом воздействия, отсюда и соотношение культурной дипломатии с политикой «мягкой силы». Мягкая сила — это отчасти неконтролируемый процесс, поскольку одной из ее основных целей является формирование положительного имиджа страны, так называемый ребрендинг, который по мнению специалистов составляет не менее 20 лет, в связи с чем имеет непредсказуемый характер и отсутствие измерения. Однако Най попытался разработать концепцию измерения, для которой использовал формат вопрос/ответ (табл. 1).

Таблица 1. Джозеф Най о характеристиках и измерении мягкой силы

Вопрос «Мягкая сила — ...»	Ответ	Комментарий
Культурная сила	Отчасти	Дж. Най выделяет три источника мягкой силы: культура, политические ценности, внешняя политика
Экономическая мощь	Нет	Экономическая мощь может быть выражена в одинаковой мере мягкими и жесткими санкциями
Более гуманна	Не обязательно	«Мягкая сила» — это описание, а не этический рецепт
Неизмерима	Неверно	Одним из механизмов мягкой силы являются средства массовой информации, которые измеримы методами опроса, анкетирования и т. д.
Мягкое воздействие	Вне всякого сомнения	«Оружие критики не может заменить критики оружием»
Не относится к военным ресурсам	Нет	Вооруженные силы могут являться источником восхищения
Трудно применяемый механизм	Отчасти верно	Имеет неконтролируемый характер

Несмотря на многочисленные барьеры, препятствующие измерению «мягкой силы», по-прежнему актуальными остаются задачи и подходы к определению ее эффективности. Выделяют несколько таких подходов, например, компаративный, который акцентирует внимание на внешней политике государств, или сравнительный подход, позволяющий сопоставлять страновые показатели в соответствии с культурным и научным влиянием, туристической и иммиграционной привлекательностью. К примеру, в 2012 г. компания Ernest and

Young и Московская школа управления «Сколково» разработали совместный проект по выявлению странового индекса мягкой силы. Сложная структура индекса включает множество индикаторов, от миграционных и туристических потоков до рейтинга Times Higher Education. Первоначально исследователи определили индекс наиболее быстроразвивающихся с точки зрения экономического развития двадцати рынков, а затем сопоставили результат с показателями стран «большой семерки» (табл. 2) [6].

Таблица 2. Топ-7 индекса мягкой силы проекта Ernest and Young и Московской школы управления «Сколково» (2012 г.)

Позиция в рейтинге	Исходный рейтинг быстроразвивающихся рынков	Итоговый рейтинг «индекса мягкой силы»
1	КНР	США
2	Индия	Франция
3	Россия	Германия
4	Бразилия	Великобритания
5	Турция	Канада
6	Мексика	Италия
7	ЮАР	Япония и КНР

Результаты «сколковских» исследований вызвали ряд дискуссий, в первую очередь ввиду необоснованной значимости экономических показателей. С одной стороны, экономическое развитие непосредственным образом может инициировать симпатию и притягательность к той или иной стране, с другой стороны, все же базисом мягкой силы является отнюдь не экономика, а скорее культура. Зачастую стремительная динамика экономического развития взаимосвязана с экологическими проблемами (ярким примером является Китай), что в конечном счете определяет состояние имиджа страны.

В связи с чем наиболее показательными, с точки зрения измерения мягкой силы, являются уже устоявшиеся рейтинги национальных и страновых брендов. Индекс национальных брендов (The Anholt-GfK Roper Nation Brands Index — NBI) отражает управление имиджем и репутацией страны на мировой арене. Первоначальное количество респондентов индекса составляло 35 стран, позднее — 50 стран из различных регионов мира. Еще большее количество респондентов (100 стран в 2022 г.) ранжируется в индексе страновых брендов (Country Brand Index — CBI), публикуемого консалтинговой компанией Future Brand (табл. 3) [7].

Таблица 3. Сопоставление первых пяти позиций индекса национальных брендов и индекса страновых брендов (показатели за 2022 г.)

Позиция в рейтинге	Индекс национальных брендов	Индекс страновых брендов
1	США	США
2	Китай	Индия
3	Германия	Китай
4	Великобритания	Нидерланды
5	Япония	Южная Корея

Согласно установленной цели настоящей работы особое внимание в контексте определения особенностей применения инструментов культурной дипломатии как составляющей политики «мягкой силы» уделяется опыту Китая.

Как видно из представленных рейтингов индексов «мягкой силы», Китай занимает лидирующие позиции. Обращаясь к концептуальным основам китайской политики «мягкой силы», следует отметить работу выдающегося ученого Ван Хунина «Культура как национальная сила», опубликованную в 1993 г. в журнале «Фудань сюэбао». Хунин называет шесть компонентов «мягкой силы»: политическая система, национальный характер, международный имидж, внешнеполитическая стратегия, развитие научно-технического потенциала. С течением времени в ходе углубленного исследования на основе работы Ван Хунина китайскими учеными были выделены ключевые компоненты, вошедшие в национальную стратегию государства: дипломатия, международные институты, образование, инвестиции, имидж. Модифицируя положения концепции Ная, китайское руководство стремится к активной интеграции культуры за пределы национальных границ с целью достижения экономических интересов, что составляет базис «новой китайской дипломатии».

Начало XXI ст. характеризуется стремительным усилением влияния Китая на мирохозяйственную архитектуру, меняются устоявшиеся геополитические подходы, формы китайской дипломатии. В целом внешнеполитический механизм Китая во многом базируется на цивилизационных особенностях, продуцированных историческими традициями, насчитывающими не одно тысячелетие. Китайская дипломатия — одна из самых древних в мировой практике, характеризуется спецификой «национализма», заметно отличающегося, к примеру, от западного осмысления данного феномена. Главным отличием является проявление культурного превосходства — китаецентризма, когда идейная доктрина провозглашает существование единого центра миропорядка, определяющего историю не только самого Срединного государства, но и всей Поднебесной. На этой основе развивается и современный внешнеполитический курс Китая. «Новая дипломатия» строится на принципах открытого гармоничного мира, устремленного к всеобщему процветанию. Китай стремится к политической стабильности (безопасности), что проявляется и в национальной стратегии обороны, отличительной чертой которой является политика сдерживания, а не нападения.

В апреле 2014 г. во время заседания Центральной комиссии национальной безопасности Председатель КНР Си Цзиньпин впервые использовал термин «всеобъемлющая национальная безопасность», базирующийся на поддержании мирного глобального порядка в одиннадцати аспектах, в том числе и культурном. Национальная оборонная стратегия Китая изложена в так называемом программном документе «Белая книга». В июле 2019 г. была опубликована новая редакция данного документа под названием «Национальная оборона Китая в новую эпоху». В документе отмечается, что китайская нация осознает ценность мира, выступает против агрессии и войн. С началом политики открытости Китай привержен содействию мира, в связи с чем добровольно сократил численность армии на 4 млн военнослужащих, преодолел порог бедности ни за счет военной экспансии, а благодаря тяжелой работе своего народа по укреплению экономического потенциала. В связи с этим Китай решительно выступает против протекционистских мер, культивирования односторонних санкций, поддержки «разрыва» между Востоком и Западом, а также прилагает все усилия для реализации международным сообществом предложенных им инициатив по глобальному развитию.

В современных реалиях Китай продолжает защищать национальные границы, расширяя периметр дружественных отношений как со странами-соседями, так и с развивающимися странами дальнего зарубежья. Реализуя тем

самым так называемую мягкую дипломатию, основы которой были официально определены во время X Всекитайского совещания по вопросам формирования дипломатии, прошедшем в декабре 2011 г. Тогда представитель МИД КНР подчеркнул, что «Китай рассчитывает на урегулирование конфликтов с взаимным удовлетворением сторон. Если стороны будут довольны, то будет доволен и Китай» [8, с. 116].

Следует также отметить официальную позицию Китая в отношении реализации культурной дипломатии на правительственном уровне. К примеру, во время XXVII Всекитайского съезда Коммунистической партии Председатель КНР впервые подчеркнул, что культурные обмены с зарубежными странами должны укрепляться не только с целью влияния китайской культуры, но и для «впитывания» достижений мировых цивилизаций. В октябре 2022 г. в Доме народных собраний прошел очередной съезд Коммунистической партии Китая, на котором был представлен новый подход всестороннего строительства модернизированного социалистического государства, а также подведены итоги минувшего пятилетия преобразований в рамках стратегии великого возрождения китайской нации. В гл. V доклада съезда отмечается особая роль науки и образования в подъеме страны: «Мы должны сосредоточивать усилия на подготовке выдающихся новаторов, привлекать лучшие умы со всего мира для работы в Китае», — отметил Председатель КНР Си Цзиньпин [9, с. 34]. Глава VIII доклада съезда посвящена укреплению уверенности Китая в собственной культуре, а именно: для возрождения китайской нации и строительства модернизированного социалистического государства, выделяется особая задача правительства — воспитать новое общество, стимулирующее расцвет культуры и пропаганды ее позитивного имиджа за рубежом.

Один из основных инструментов реализации Китаем внешней культурной политики в новом столетии — Институт Конфуция, целью которого является обучение китайскому языку, распространение знаний о величайшей древнекитайской культуре, освещение вопросов современных тенденций развития Китая. На сегодняшний день Институт Конфуция существует в 39 регионах Азии, 46 регионах Африки, 43 регионах Европы и 27 регионах Америки. Импульсом активной деятельности институтов является их сопряжение с китайской инициативой «Один пояс — один путь». Языковое и культурное сближение стран посредством образовательной платформы способствует беспрепятственному продвижению проектов инициативы.

Заключение. Несмотря на бытующие дискуссии по отношению к теории «мягкой силы», общественные деятели либерального направления определяют данный термин в первую очередь как комплекс культурных мероприятий, непосредственным образом оказывающих влияние на возрождение и стабилизацию международных отношений. Современное понимание культуры как составляющей «мягкой силы» в мировой политике набирает обороты. Государства начинают уделять большее внимание культурному наследию в качестве инструмента в социально-экономических процессах. Экспорт национальной культуры или отторжение внешней культурной экспансии выступает эффективным средством борьбы за национальные интересы государств. Влияние итальянского Ренессанса на Западную Европу, французская культурная экспансия XVIII — начала XIX в., английская культурная экспансия XIX в., американская планетарная культурная экспансия — все это является примером унификации самобытных культур, что на сегодняшний день в условиях глобализации представляет значительную угрозу национальному культурному

достоянию, в связи с чем культурная дипломатия является важным механизмом обеспечения национальной безопасности государств.

Подводя итог настоящей работы, следует также сконцентрировать внимание непосредственно на инструментах «мягкой силы» стран. Представленные в работе страновые рейтинги индекса «мягкой силы» отражают степень их эффективного использования. Лидирующие позиции в данных рейтингах занимает Китай, фундаментом культурной политики которого является ценностная система конфуцианского наследия. Политическая этика Конфуция отражает стремление к достижению гармонии как во внутреннем управлении, так и во внешней политике. В аспекте управления государством по Конфуцию главной идеей являются совместное развитие и общий эффект. Данная идея отчетливо проявляется и в современной стратегии развития Китая — «китайской мечте» о возрождении нации. «Китайская мечта» символизирует равное существование в глобальном мире, направленное на общее созидание будущего. На последнем съезде Коммунистической партии Китая Председатель КНР Си Цзиньпин подчеркнул, что Китай должен бороться не только за благосостояние своего народа, но и стремиться к прогрессу единого мира, активно реагировать на глобальную озабоченность стран, вносить свою лепту в решение мировых проблем. В этой связи в культурной дипломатии Китая наиболее выраженно проявляется принцип мирного сосуществования, предусматривающий взаимное уважение суверенитета и территориальной целостности государств.

Литература и электронные публикации в Интернете

1. Щегляк, А. И. Культурная дипломатия в системе международных отношений [Электронный ресурс] / А. И. Щегляк // 75-я научная конференция студентов и аспирантов Белорусского государственного университета : материалы конф., Минск, 14–23 мая 2018 г. : в 3 ч. / Белорус. гос. ун-т, Гл. упр. науки ; редкол.: В. Г. Сафонов (пред.) [и др.]. — Минск, 2018. — Ч. 3. — С. 310–313.

Shhegljak, A. I. Kul'turnaja diplomatija v sisteme mezhhdunarodnyh otnoshenij [Cultural diplomacy in the system of international relations] [Elektronnyj resurs] / A. I. Shhegljak // 75-ja nauchnaja konferencija studentov i aspirantov Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta : materialy konf., Minsk, 14–23 maja 2018 g. : v 3 ch. / Belarus. gos. un-t, Gl. upr. nauki ; redkol.: V. G. Safonov (pred.) [i dr.]. — Minsk, 2018. — Ch. 3. — P. 310–313.

2. Лазоркина, О. И. Культурная дипломатия : пособие для студентов фак. междунар. отношений / О. И. Лазоркина. — Минск : БГУ, 2012. — 80 с.

Lazorkina, O. I. Kul'turnaja diplomatija : posobie dlja studentov fak. mezhhdunar. otnoshenij [Cultural diplomacy: a manual for students of the faculty. international. relationships] / O. I. Lazorkina. — Minsk : BGU, 2012. — 80 p.

3. Лебедева, М. М. Публичная дипломатия: теория и практика : науч. изд. / М. М. Лебедева. — М. : Аспект Пресс, 2017. — 272 с.

Lebedeva, M. M. Publichnaja diplomatija: teorija i praktika [Public diplomacy: theory and practice: scientific publication] : nauch. izd. / M. M. Lebedeva. — M. : Aspekt Press, 2017. — 272 p.

4. Най, Дж. С. Мягкая сила. Путь успеха в мировой политике [Электронный ресурс] / Дж. С. Най, — Режим доступа: https://vk.com/wall-80080904_7896. — Дата доступа: 12.05.2023.

Naj, Dzh. S. Mjagkaja sila. Put' uspeha v mirovoj politike [«Soft power. The means to success in world politics»] [Elektronnyj resurs] / Dzh. S. Naj. — Rezhim dostupa: https://vk.com/wall-80080904_7896. — Data dostupa: 12.05.2023.

5. Паршин, П. Б. Проблематика «мягкой силы» во внешней политике России / П. Б. Паршин. — М. : МГИМО — Университет, 2013. — 40 с.

Parshin, P. B. Problematika «mjagkoj sily» vo vneshnej politike Rossii [The problems of «soft power» in Russia's foreign policy] / P. B. Parshin. — М. : MGIMO — Universitet, 2013. — 40 p.

6. Индекс мягкой силы [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://republic.ru/posts/1/794514>. — Дата доступа: 12.05.2023.

7. Компания глобальной трансформации бренда Future Brand [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.rankingthebrands.com/The-Brand-Rankings.aspx#ranking>. — Дата доступа: 12.05.2023.

8. «Мягкая сила» в азиатско-тихоокеанском региональном контексте. Теоретическая адаптация и национальные практики : моногр. / С. К. Песцов [и др.] ; науч. ред. С. К. Песцов. — Владивосток : Дальневост. федерал. ун-т, 2016. — 192 с.

9. Доклад на XX Всекитайском съезде Коммунистической партии Китая [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://russian.cgtn.com/event/doc/ruSJlstd23-20221025.pdf>. — Дата доступа: 12.05.2023.

VALERYIA VASILEUSKAYA

**UNDERSTANDING THE PHENOMENON
OF CULTURAL DIPLOMACY
IN THE CONTEXT OF «SOFT POWER» POLICY**

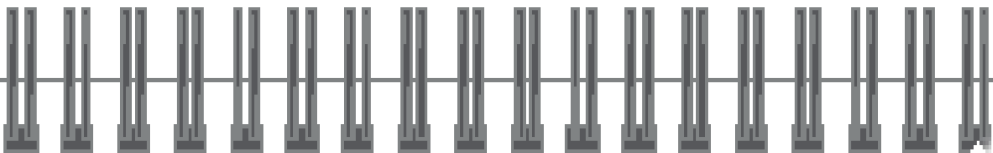
Author affiliation. *Valeryia VASILEUSKAYA* (vasilevskaya.v.e@mail.ru), Belarus State University (Minsk, Belarus).

Abstract. The article considers the place and role of «cultural diplomacy» in the system of international relations. The historical retrospective of the formation of this direction of diplomacy is revealed. The attention is focused on the conceptualization of the phenomenon of «cultural diplomacy» through the prism of «soft power» policy. The correlation between cultural and public diplomacy as forms of the «soft power» policy implementation is explained. Examples of scholarly conceptualization of the political term «soft power» are given, i. e. the concept of integral scales which explains the difference between the application of hard and soft poles of force in international relations, the concept of multiple scales which explains the necessity of using the so-called integral tools that define the system of coordinates for analyzing the policy of «soft power». Constructive critical and destructive discussions of its theoretical interpretation are considered in the context of understanding this policy direction.

Keywords: concept of integral scales; concept of multiple scales; cultural diplomacy; soft power policy; public diplomacy.

UDC 32.327.3

*Статья поступила
в редакцию 29. 05. 2023 г.*

Правила оформления статей для подачи в журнал «Веснік Беларускага дзяржаўнага эканамічнага ўніверсітэта»

*Журнал принимает к изданию статьи на **русском, белорусском и английском языках.***

Авторы несут ответственность за направление в редакцию уже ранее опубликованных статей или статей, принятых к печати другими изданиями.

Редакция не взимает плату за опубликование научных статей.

Статьи, представленные лицами, осуществляющими послевузовское обучение (аспирантура, докторантура, соискательство), в год завершения обучения, публикуются первоочередно.

Объем научной статьи, учитываемой в качестве публикации по теме диссертации, должен составлять не менее 0,35 авторского листа (14 тыс. печатных знаков, включая пробелы между словами, знаки препинания, цифры и т. п. — как правило, не менее 8-ми страниц текста (но не более 12-ти), напечатанного шрифтом размером 14 пунктов через 1,5 интервала между строками). Страницы должны быть пронумерованы.

Научная статья должна включать следующие элементы:

введение;

основную часть с таблицами, графиками и другим иллюстративным материалом (при их наличии);

заключение, завершаемое четко сформулированными выводами;

список цитированных источников.

Название статьи должно отражать основную идею ее содержания, быть информативным и по возможности кратким. В заглавиях можно использовать только общепринятые сокращения.

Во введении статьи должна быть сформулирована ее цель (поставлена задача).

Обязательны ссылки на работы, не являющиеся публикациями автора. Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Иллюстрации, формулы и сноски следует пронумеровать в соответствии с порядком цитирования в тексте.

Список цитированных источников располагается в конце текста, ссылки нумеруются согласно порядку цитирования в тексте. Номера ссылок должны быть написаны внутри квадратных скобок (например [1], [2] и т. д.). Все публикации на русском языке (кроме нормативных документов, архивных материалов, статистических сборников, газетных статей без указания автора, ссылок на сайты без указания конкретного материала) должны сопровождаться переводом *названия* на английский язык (приводится в квадратных скобках).

Сдавая статью в редакцию, авторы представляют:

- 1) *распечатку статьи и ее электронный вариант*. К статье должны быть приложены дополнительные сведения: *индекс УДК* в соответствии с классификатором, *ключевые слова* (5–10 слов или коротких ключевых фраз) на русском и английском языках;
- 2) *справку об авторе*:
 - а) фамилия, имя, отчество, ученая степень, ученое звание, должность, место работы (учебы) на русском языке;
 - б) имя и фамилия автора транслитерацией в романском алфавите (взять из паспорта);
 - в) электронная почта;
 - г) контактные телефоны;
- 3) *выписку из протокола заседания кафедры*, включающую рекомендацию об опубликовании;
- 4) для авторов других вузов (НИИ) — *рекомендательное письмо* руководства своей организации;
- 5) *резюме статьи* на русском языке (от 100 до 250 слов). В нем должно быть отражено краткое содержание статьи: цели и задачи, методы исследования, краткий вывод. Обязательно следует представить на английском языке название статьи, текст резюме и официальное название организации, в которой учится или работает автор;
- 6) *результаты проверки текста на предмет оригинальности* при помощи инструмента «Антиплагиат».

Журнал включен в наукометрическую базу данных Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

Индекс журнала

74838

Ответственный за выпуск *В. Ю. Шутилин*
Редакторы *А. В. Зенькевич, А. К. Лапуста*
Компьютерная верстка *А. А. Карнейчик*

Адрес редакции:
220070, г. Минск, просп. Партизанский, 24. БГЭУ, корп. 6, к. 19. Тел. 209-78-84
Электронная почта: vestnik@bseu.by

Подписано в печать: 17.07. 2023.
Формат 70×108 1/16. Печать офсетная. Усл. печ.л. 11,4. Уч.-изд.л. 12,05.
Тираж 94 экз. Заказ

УО «Белорусский государственный экономический университет»
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя, распространителя
печатных изданий № 1/299 от 22.04. 2014.
200070, г. Минск, просп. Партизанский, 26.

Отпечатано на ротапринте БГЭУ. Лицензия полиграфическая № 02330/210 от 14.04. 2014.
200070, г. Минск, просп. Партизанский, 26.